

Online ISSN 2335-2388

mokslo darbai transactions

RESPECTUS PHILOLOGICUS

2013 Nr. 24 (29)

RESPECTUS PHILOLOGICUS Nr. 24 (29)

MOKSLINIS TĖSTINIS LEIDINYS

Leidžia Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas ir Jano Kochanovskio universiteto Humanitarinis fakultetas Kielcuose du kartus per metus (balandžio 25 d. ir spalio 25 d.).

Mokslo kryptis: filologija (04H). Mokslo sritys: gramatika, semantika, semiotika, sintaksė (H 352), bendroji ir lyginamoji literatūra, literatūros kritika, literatūros teorija (H 390).

Pagrindinės kalbos: lietuvių, lenkų, anglų, rusų.

CZASOPISMO NAUKOWE

Wydawcy: Uniwersytet Wileński – Wydział Humanistyczny w Kownie oraz Uniwersytet Jana Kochanowskiego – Wydział Humanistyczny w Kielcach. Ukazuje się dwa razy w roku: 25 kwietnia i 25 października.

Kierunek naukowy: filologia (04H). Dyscypliny naukowe: gramatyka, semiotyka, semantyka, syntaktyka (H 352), literatura ogólna i porównawcza, krytyka literacka, teoria literatury (H 390).

Podstawowe języki: polski, litewski, angielski i rosyjski.

ONGOING ACADEMIC PUBLICATION

Published twice a year (April 25, October 25) by Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities and The Jan Kochanowski University in Kielce Faculty of Humanities.

Scientific field: philology (04H). Research areas: grammar, semantics, semiotics, syntax (H 352), general and comparative literature, literary criticism, literary theory (H 390).

The journal accepts articles and correspondence written in English, Lithuanian, Polish, and Russian.

DUOMENŲ BAZĖS / BAZY DANYCH / ABSTRACTING AND INDEXING

Elektronische Zeitschriftenbibliothek (2002) Arianta (2002)	Frei zugängliche E-Journals Universitätsbibliothek Regensburg Naukowe i branżowe polskie czasopisma elektroniczne Biblioteka Uniwersytetu Śląskiego
Balcan Rusistics (2004)	Russian Language, Literature and Cultural Studies
C.E.E.O.L. (2005)	Central and Eastern European Online Library DFG Nationallizenzen
EBSCO (2006)	Humanities International Complete Humanities Source Current Abstracts Humanities International Index TOC Premier
MLA (2007)	Modern Language Association International Bibliography
Index Copernicus (2008)	Index Copernicus International Journal Master List
Lituanistika (2011)	The database of the humanities and social sciences in Lithuania
Linguistic Bibliography Online (2012)	Brill Leiden, Netherlands
Ulrichs (2013)	Ulrich's Periodicals

PATIKRA / WERYFIKACJA / VERIFICATION

Redakcijos adresas / Adres redakcji / Address of the editorial board

Žurnalas „Respectus Philologicus“
Vilniaus universitetas
Kauno humanitarinis fakultetas
Muitinės g. 8, LT-44280 Kaunas, Lietuva

Respectus Philologicus
Vilnius University
Kaunas Faculty of Humanities
Muitines 8, Kaunas 44280, Lithuania

Tel. +370 37 750 536

El. paštas / E-mail respectus@gmail.com

Interneto svetainė / Strona internetowa / Homepage <http://filologija.vukhf.lt>

Moksliniai ir kalbos redaktoriai / Redakcja naukowa i językowa / Proof-readers

Gabija Bankauskaitė-Sereikienė (lietuvių kalba / język litewski / Lithuanian language)
Kazimierz Luciński, Beata Piasecka (lenkų kalba / język polski / Polish language)
Algis Braun (anglų kalba / język angielski / English language)
Eleonora Lassan, Viktorija Makarova (rusų kalba / język rosyjski / Russian language)

Vertimas / Tłumaczenie / Translation

Beata Piasecka, Živilė Nemickienė

Pagrindinė redaktorė / Redaktor prowadzący / Publishing editor

Viktorija Makarova

Print ISSN 1392-8295, Online ISSN 2335-2388

© Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, 2013

© Uniwersytet Jana Kochanowskiego – Wydział Humanistyczny w Kielcach, 2013

REDAKTORIŲ KOLEGIJA — KOLEGIUM REDAKCYJNE

- Eleonora Lissan** VU KHF profesorė, habil. dr. (04H), Lietuva, *vyriausioji redaktorė*
 Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr hab. (04H), Litwa, *redaktor naczelny*
- Kazimierz Luciński** Jano Kochanovskio universiteto Kielcuose profesorius, habil. dr. (04H), Lenkija, *vyriausiosios redaktorės pavaduotojas*
 Profesor Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, dr hab. (04H), Polska, *zastępcza redaktora naczelnego*
- Irina Oukhvanova-Shmygova** Baltarusijos valstybinio universiteto profesorė, dr. (04H), Baltarusija, *vyriausiosios redaktorės pavaduotoja*
 Profesor Białoruskiego Uniwersytetu Państwowego, dr (04H), Białoruś, *zastępcza redaktora naczelnego*
- Gabija Bankauskaitė-Sereikienė** VU KHF profesorė, dr. (04H), Lietuva, *atsakingoji sekretorė*
 Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr (04H), Litwa, *sekretarz kolegium*
- Daiva Aliūkaitė** VU KHF docentė, dr. (04H), Lietuva
 Docent Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr (04H), Litwa
- Danutė Balšaitytė** VU Užsienio kalbų instituto profesorė, dr. (04H), Lietuva
 Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Instytut Języków Obcych, dr (04H), Litwa
- Wiesław Caban** Jano Kochanovskio universiteto Kielcuose profesorius, habil. dr. (05H), Lenkija
 Profesor Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, dr hab. (05H), Polska
- Renato Corsetti** Romos universiteto „La Sapienza“ profesorius, habil. dr. (04H), Italija
 Profesor Uniwersytetu Rzymskiego „La Sapienza“, dr hab. (04H), Włochy
- Anatolij Chudinov** Uralo valstybinio pedagoginio universiteto profesorius, dr. (04H), Rusija
 Profesor Uralskiego Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego, dr (04H), Rosja
- Hans-Jürgen Diller** Bochumo Ruhro universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Vokietija
 Profesor Uniwersytetu Ruhry w Bochum, dr hab. (04H), Niemcy
- Aloyzas Gudavičius** Šiaulių universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Lietuva
 Profesor Uniwersytetu w Šiauliai, dr hab. (04H), Litwa

- Laima Kalėdienė** Lietuvių kalbos instituto vyriausioji mokslo darbuotoja, profesorė, dr. (04H), Lietuva
Starys pracownik naukowy, profesor w Instytucie Języka Litewskiego, dr (04H), Litwa
- Juris Kastinš** Latvijos universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Latvija
Profesor Uniwersytetu Łotewskiego w Rydze, dr hab. (04H), Łotwa
- Asta Kazlauskienė** Vytauto Didžiojo universiteto profesorė, dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Witolda Wielkiego, dr (04H), Litwa
- Jurij Kleiner** Sankt Peterburgo universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Rusija
Profesor Uniwersytetu w Sankt Petersburgu, dr hab. (04H), Rosja
- Aleksandras Krasnovas** VU KHF profesorius, dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr (04H), Litwa
- Jadvyga Krūminienė** VU KHF profesorė, dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr (04H), Litwa
- Jurgita Mikelionienė** Kauno technologijos universiteto docentė, dr. (04H), Lietuva
Docent Uniwersytetu Technologicznego w Kownie, dr (04H), Litwa
- Gerald E. Mikkelson** Kanzaso universiteto profesorius, dr. (04H), JAV
Profesor Uniwersytetu w Kansas, dr (04H), USA
- Olegas Poliakovas** VU KHF profesorius, habil. dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr hab. (04H), Litwa
- Marek Ruszkowski** Jano Kochanovskio universiteto Kielcuose profesorius, habil. dr. (04H), Lenkija
Profesor Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, dr hab. (04H), Polska
- Yuri Stulov** Minsko valstybinio lingvistikos universiteto profesorius, dr. (04H), Europos „Amerikos studijų asociacijos“ Baltarusijos filialo prezidentas, Baltarusija
Profesor Państwowego Uniwersytetu Lingwistycznego w Mińsku, dr (04H), prezes białoruskiej filii Europejskiego Stowarzyszenia Studiów Amerykanistycznych, Białoruś
- Leona Tokor** Jeruzalės Žydų universiteto profesorė, habil. dr. (04H), Izraelis
Profesor Uniwersytetu Hebrajskiego w Jerozolimie, dr hab. (04H), Izrael

EDITORIAL BOARD

Eleonora Lissan	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania, <i>editor-in-chief</i>
Kazimierz Luciński	Professor (04H), The Jan Kochanowski University in Kielce, Poland, <i>deputy editor-in-chief</i>
Irina Oukhvanova-Shmygova	Professor (04H), Belarusian State University, Belarus, <i>deputy editor-in-chief</i>
Gabija Bankauskaitė-Sereikienė	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania, <i>managing secretary</i>
Daiva Aliūkaitė	Associate Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Danutė Balšaitytė	Professor (04H), Vilnius University (Institute of Foreign Languages), Lithuania
Wiesław Caban	Professor (05H), The Jan Kochanowski University in Kielce, Poland
Renato Corsetti	Professor (04H), Sapienza University of Rome, Italy
Anatolij Chudinov	Professor (04H), Ural State Pedagogical University, Russia
Hans-Jürgen Diller	Professor (04H), Ruhr University Bochum, Germany
Aloyzas Gudavičius	Professor (04H), Šiauliai University, Lithuania
Laima Kalėdienė	Professor (04H), Senior Researcher, Institute of the Lithuanian Language, Lithuania
Juris Kastinš	Professor (04H), University of Latvia, Latvia
Asta Kazlauskienė	Professor (04H), Vytautas Magnus University, Lithuania
Jurij Kleiner	Professor (04H), St. Petersburg State University, Russia
Aleksandras Krasnovas	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Jadvyga Krūminienė	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Jurgita Mikelionienė	Associate Professor (04H), Kaunas University of Technology, Lithuania
Gerald E. Mikkelsen	Professor (04H), The University of Kansas, USA

Olegas Poliakovas	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Marek Ruskowski	Professor (04H), The Jan Kochanowski University in Kielce, Poland
Yuri Stulov	Professor (04H), Minsk State Linguistic University, President of European Association for American Studies in Belarus, Belarus
Leona Toker	Professor (04H), The Hebrew University of Jerusalem, Izrael

TURINYS / SPIS TREŚCI

I. PROBLEMOS IR SPRENDIMAI / PROBLEMY I ICH ROZWIĄZANIA

- Aleksandras Krasnovas** (Lietuva / Litwa). Individuali ir bendruomeninė tapatybė bei jų sąveika grožinėje literatūroje..... 11
- Oleg Leszczak** (Lenkija / Polska). Społeczny i empiryczny charakter transcendentального antropocentryzmu Immanuela Kanta: problem istoty człowieczeństwa 21
- Bernard Sypniewski, M. Frankel Sypniewski** (JAV / USA). Patterns of Thought..... 36
- Наталья Клушина** (Rusija / Rosja). Интенциональный аспект современной стилистики..... 50

II. FAKTAI IR APMASTYMAI / FAKTY I ROZWAŻANIA

- Yuri Stulov** (Baltarusija / Białoruś). The Cityscape in the Contemporary African-American Urban Novel 65
- Анна Дашенко** (Ukraina / Ukraina). Личностное измерение стиля И-ань: ценностные установки Ли Цинчжао 72
- Gintarė Aleknavičiūtė** (Lietuva / Litwa). Domestication in the Translation of D. Brown's *The Da Vinci Code*..... 87
- Anna Wzorek** (Lenkija / Polska). Olgi Tokarczuk gra z regułami powieści kryminalnej (na podstawie *Prowadź swój plug przez kości umarłych*) 98
- Simona Amankevičiūtė** (Lietuva / Litwa). Kognityvusis požiūris į stereotipinius moters įvaizdžius vizualiojoje reklamos erdvėje..... 108
- Елена Казимянец** (Lietuva / Litwa). *Снег* в русской языковой картине мира 121
- Oskar Gawlik** (Lenkija / Polska). On *If* and *Whether* Complement Clauses of *See*, *Wonder*, and *Know* in Contemporary Spoken Academic American English: A Corpus-Based Study..... 131
- Евгений Зубков** (Lenkija / Polska). Словоупотребления *ксива* и *малява* в русском уголовном дискурсе..... 142
- Mihaela Culea** (Rumunija / Rumunia). “Middle Ground,” “Duality,” and “Diversimilarity” as Responses to Postcolonial and Global Challenges in Chinua Achebe's *The Education of a British-Protected Child* and *No Longer at Ease* 151
- Malgorzata Krzysztofik** (Lenkija / Polska). *Recepta duszna i cielesna przeciw powietrzu morowemu* ks. Hieronima Powodowskiego (XVI w.) – antropologiczny model lektury..... 162
- Malgorzata Przeniosło** (Lenkija / Polska). Nauczyciele akademicy na Uniwersytecie Stefana Batorego w Wilnie w okresie międzywojennym..... 176

III. NUOMONĖ / OPINIE I POGLĄDY

- Элеонора Лассан** (Lietuva / Litwa). О причинах вечности сказочных сюжетов
(на материале сказки «Мальчик с пальчик»)..... 194

IV. KONFERENCIJŲ MEDŽIAGA / MATERIAŁY KONFERENCYJNE

- Leszek Szymbański** (Lenkija / Polska). Language Awareness in an Internet Chat Room 203

V. SKAUDŪS KLAUSIMAI / DRAŹLIWE KWESTIE

- Viktorija Makarova** (Lietuva / Litwa). Priešo įvaizdžio formavimas Lietuvos žiniasklaidos
priemonėse: lenkų klausimas..... 213

VI. MOKSLINIO GYVENIMO KRONIKA / KRONIKA ŻYCIA NAUKOWEGO

Konferencijų apžvalgos / Konferencje

- Jurgita Astrauskienė** (Lietuva / Litwa). Tarptautinės mokslinės konferencijos „Tarp eilučių:
lingvistikos, literatūrologijos, medijų erdvė“ *TELL ME 2013* apžvalga 222

- Tatiana Larina** (Russia). Searching for Understanding in Cross-Cultural Communication.... 225

Knygų recenzijos / Recenzje książek

- Лара Синельникова** (Ukraina / Ukraina). ЧЕРВИНСКИЙ, П., 2012. *Язык советской
действительности: Семантика позитива в обозначении лиц*..... 230

- Michał Mazurkiewicz** (Lenkija / Polska). *Sport w sztuce. Sport in Art.* 2012.
M. KOZIOŁ, D. PIEKARSKA, M. A. POTOCKA (eds.)..... 237

- Anonsai / Zapowiedzi** 239

VII. REIKALAVIMAI STRAIPSNIAMS /

- ZASADY OPRACOWYWANIA PUBLIKACJI** 240

- VIII. MŪSŲ AUTORIAI / NASI AUTORZY** 248

CONTENTS

I. PROBLEMS AND SOLUTIONS

Aleksandras Krasnovas (Lithuania). The Interaction of Personal and Communal Identities in Literature	11
Oleg Leszczak (Poland). On the Social and Empirical Nature of Kant's Transcendental Anthropocentrism: The Problem of Human Nature	21
Bernard Sypniewski, M. Frankel Sypniewski (USA). Patterns of Thought.....	36
Natalia Klushina (Russia). The Intentional Aspect of Modern Stylistics	50

II. FACTS AND REFLECTIONS

Yuri Stulov (Belarus). The Cityscape in the Contemporary African-American Urban Novel ...	65
Ganna Dashchenko (Ukraine). The Identity Dimension of the <i>Yi-An</i> Style: The Value System of Li Qingzhao.....	72
Gintarė Aleknavičiūtė (Lithuania). Domestication in the Translation of D. Brown's <i>The Da Vinci Code</i>	87
Anna Wzorek (Poland). Olga Tokarczuk's Game with the Rules of Criminal Novels: The Case of <i>Plough Through the Bones of the Dead</i>	98
Simona Amankevičiūtė (Lithuania). Cognitive Approach to the Stereotypical Placement of Women in Visual Advertising Space	108
Jelena Kazimianec (Lithuania). Snow in the Russian Language Picture of the World.....	121
Oskar Gawlik (Poland). On <i>If</i> and <i>Whether</i> Complement Clauses of <i>See</i> , <i>Wonder</i> , and <i>Know</i> in Contemporary Spoken Academic American English: A Corpus-Based Study.....	131
Eugene Zubkov (Poland). Word Usage of <i>Ксива</i> and <i>Малыва</i> in Russian Criminal Discourse	142
Mihaela Culea (Romania). "Middle Ground," "Duality," and "Diversimilarity" as Responses to Postcolonial and Global Challenges in Chinua Achebe's <i>The Education of a British-Protected Child</i> and <i>No Longer at Ease</i>	151
Malgorzata Krzysztofik (Poland). The Anthropological Model of Reading "Prescription for Soul and Body Against Epidemic Air" by 16 th Century Priest Hieronim Powodowski	162
Malgorzata Przenioslo (Poland). The Academics at Stefan Batory University in Vilnius During the Interwar Period.....	176

III. OPINION

- Eleonora Lassar** (Lithuania). On the Imperishable Reasons of Fairy-Tale Plots:
The Case of *Tom Thumb* 194

IV. CONFERENCE MATERIAL

- Leszek Szymański** (Poland). Language Awareness in an Internet Chat Room 203

V. SENSITIVE ISSUES

- Viktorija Makarova** (Lithuania). The Formation of the Image of the Enemy
in Lithuanian Media Outlets: The Polish Question 213

VI. SCIENTIFIC LIFE CHRONICLE

Conferences

- Jurgita Astrauskienė** (Lithuania). Review of the International Scientific Conference
“Thought Elaboration: Linguistics, Literature, Media Expression” (TELL ME 2013) 222

- Tatiana Larina** (Russia). Searching for Understanding in Cross-Cultural Communication.... 225

Book reviews

- Lara Sinelnikova** (Ukraine). CZERWINSKI, P., 2012. *The Language of Soviet Reality: The Semantics of Positive Personal Evaluations* / ЧЕРВИНСКИЙ, П., 2012. *Язык советской действительности: Семантика позитива в обозначении лиц* 230

- Michał Mazurkiewicz** (Poland). *Sport w sztuce. Sport in Art*. 2012.
M. KOZIOL, D. PIEKARSKA, M. A. POTOCKA (eds.)..... 237

- Announcements** 239

- VII. REQUIREMENTS FOR PUBLICATION** 240

- VIII. OUR AUTHORS** 248

III. NUOMONĖ / OPINIE I POGLĄDY

Элеонора Лассан

Институт социокультурных исследований

Каунасский гуманитарный факультет

Вильнюсский университет

Muitinès g. 8, LT-44280 Kaunas, Lietuva

E-mail: eleonora.lassan@ff.vu.lt

Область научных интересов автора: когнитивная лингвистика, прагматика, культурология

О ПРИЧИНАХ ВЕЧНОСТИ СКАЗОЧНЫХ СЮЖЕТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗКИ «МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК»)

В статье рассматривается один из самых популярных в культуре сказочных сюжетов (сюжет с главным героем «мальчик с пальчик») и делается попытка объяснить эту популярность через обращение к реализованным в сказке архетипам культуры. Автор рассматривает сказки разных народов, использующих сюжет с названным героем, и проводит грань между литературной сказкой Шарля Перро, являющейся обработкой старинных французских сказок, и различными вариациями литературной сказки братьев Гримм. В статье показана невозможность применения к анализу этой сказки метода В. Я. Проппа – разложение сюжета по функциям и типам действующих лиц. Автор предполагает, что в силу разных причин сказка о мальчике с пальчик может не считаться волшебной или же она относится к сказкам о животных, на которые не распространяется представление В. Я. Проппа о структуре волшебной сказки. Автор приходит к выводу о разных архетипах, лежащих в основе литературной сказки Ш. Перро и многочисленных вариаций сюжета, который мы условно назовем «сюжетом братьев Гримм». Кроме того, в народных сказках (с «сюжетом братьев Гримм») мальчик с пальчик одновременно выполняет роль культурного героя и роль трикстера, чего нет в сказке Перро, поскольку для французских сказок традиционной является пропаганда нравственных ценностей и отчетливый дидактический характер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сказка, вариации сюжетов, различие архетипов.

Одной из самых популярных сказок, бытующих в различных вариантах у разных народов и привлекающих интерес как поэтов-классиков (например, В. Жуковский), так и современных сказочников, (например, Р. Куперман), кинематографистов, пародистов и т. д., является сказка «Мальчик с пальчик». Она известна, прежде всего, по книге Шарля Перро «Сказки моей матушки Гусыни, или Истории и сказки былых

времен с поучениями» (1697), куда была включена как переработка старинной французской народной сказки. Сказка Шарля Перро нередко поражает взрослых читателей жестокостью ее взрослых персонажей: родители, будучи бедняками, отводят детей в лес на верную смерть, так как их нечем кормить. Народная энциклопедия «Википедия» указывает на социальную подоплеку сказки: природные катаклизмы в Европе,

в частности, во Франции между второй половиной XVII века и началом XVIII века, приведшие к невиданному голоду, что, возможно, делает объяснимым поступок родителей и дает представление об укладе французской жизни XVII века. Мы вернемся к этому вопросу ниже.

Гораздо менее жесткий вариант сказки известен по творчеству братьев Гримм (см. ниже). Вместе с тем существуют и русские, болгарские, украинские варианты этого сюжета, в ряде случаев претерпевшие литературную обработку в творчестве известных писателей (А. Н. Толстой, Н. Я. Данилевский и т.д.). На сегодняшний день насчитывается не менее четырех экранизаций сказки, по ее мотивам сравнительно недавно снята трэш-комедия «Мальчик с Пальчик и Грибы Мстители с Марса» (2006). Вот ее описание: «Все делают гадости, но все гадости можно объяснить. Ученые отправили грибы на Марс, на верную смерть. Но они вернулись. Родители отвели детей в лес, на верную смерть. Но они вернулись. Поединок детей с Людоедом, Борьба грибов за независимость, Месть Людоеда детям, и причуды сказочного сельского хозяйства» (<http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3528957>). Как видим, в экранизации использован и интерпретирован классический сюжет Ш. Перро. Возникает вопрос: в чем же такая неиссякаемая притягательность этой сказки? Слабый телом оказывается умным, хитрым, изворотливым, и в конце концов одерживает победу над всеми возможными недругами, будь то людоед, волк, воры и т.д. – персонажами различных вариантов этой сказки. Таким образом, те, кто может чувствовать страх перед превосходящими силами жизненных опасностей, получают на-

дежду на их преодоление с помощью собственного рассудка. И тем не менее, этот ответ удовлетворяет не до конца: во-первых, интересно сравнить сюжетные ходы сказок разных народов, а во-вторых – попытаться предложить не только дидактическое истолкование сказки, ибо дидактикой обладают многие другие сказочные сюжеты, а «вечными» становятся далеко не все. Таким истолкованием, возможно, было бы нахождение архетипов, заложенных в сознании создателей этих сказок и удовлетворяющих бессознательную часть психики современных носителей культуры в силу наличия в ней этих архетипов.

Обратимся к сказке Ш. Перро, переведенной на множество языков и до сих пор продолжающей свое бытование в различных современных вариациях. Итак, в семье дровосека семеро детей, из которых младший семилетний так мал, что его называют «мальчик с пальчик»¹. Как уже было сказано, страдая от нищеты и голода, родители уводят мальчика с братьями в лес, чтобы их смерть от голода не была такой мучительной. Мальчик проявляет смекалку, возвращается домой с братьями, но в очередной период нищеты родители вновь отводят их в лес. Конечно, возникает вопрос о том, почему родители так жестоки со своими детьми? С одной стороны, они как будто бы желают им более легкой смерти, чем смерть от голода. Тем не менее, у взрослых читателей вопросы остаются: почему во второй раз, когда семья

¹ Существуют различные написания имени персонажа – как с дефисом, так и без. Мы сохраняем то написание, которое представлено в названиях соответствующих сказок на интернет-страницах, позиционирующих передачу сказки как соответствующую определенному книжному изданию.

вновь обеднела, дровосек хочет завести детей «подальше и поглубже»? Чтобы они не могли вернуться? Этот сюжет вызывает множество вопросов, побуждая взрослых читателей называть сказки Ш. Перро «недетскими»² или видеть в них стремление автора отразить «недостатки уклада жизни Франции XVIII века». Речь идет об эпохе правления Людовика XIV, в которую на Францию обрушился невиданный голод, побуждавший людей нападать на себе подобных и поедать их. (В качестве реплики заметим, что убийство собственных детей встречается в древнегреческих мифах, напр., о Кроносе, Медее. О сложных взаимоотношениях отца, стремящегося сохранить старый порядок, и сына, желающего установить новый, с точки зрения психоанализа см: Эрих Нойманн. «Мифологические стадии эволюции сознания». Реплика имеет целью объяснить сюжет не только с точки зрения его социальной подоплеки, но и с точки зрения возможных архетипических начал, обуславливающих поступок родителей.)

Итак, когда родители вторично отводят детей в лес, те набредают на дом людоеда, который собирается съесть мальчика и его братьев. Однако малыш обманывает людоеда: благодаря совершенному им подлогу, вместо братьев людоед съедает своих дочерей. Здесь можно говорить о постоянно воспроизводимом во французских сказках образе людоеда («Жемчужинка», «Сын короля Франции и красавица Джоана», «Кот в сапогах» и т. д.). Людоед во французских сказках – это главное испытание,

инициация, после которой к герою приходит удача. Мальчик с пальчик в сказке Перро, используя семимильные сапоги, украденные у людоеда, поступает на королевскую службу и обеспечивает благополучную жизнь своей семье. Если говорить о дидактическом начале этой сказки (как известно, акцентуация морального начала – характерная черта французских сказок), то здесь мы можем не только обозначить победу разума над физической силой, но и всепрощение, данное мальчику, – он одаривает родителей, отправивших детей на верную смерть.

Существуют версии, что прототипом людоеда из французских сказок являлся реальный персонаж Жиль де Рэ, казненный в 1440 году по обвинению в убийстве малолетних детей. Образ Жилия де Рэ слился с мифологическим образом графа Кономора, известного своей жестокостью по отношению к женам – этот сюжет был очень популярен с самого раннего Средневековья в Бретани. Шарль Перро, как известно, очень осторожно относился к обработке народных сказок. Очевидно, что в них остался след средневековых легенд, которые и переключались в сказки Перро. Отсюда образ людоеда может трактоваться не как образ мифического существа, а как образ реального персонажа, существовавшего в действительности, что лишает сказку ее «волшебного» начала. Вместе с тем может возникнуть вопрос и о живучести образа людоеда – не восходит ли он к некоему архетипу? Конечно, мы можем говорить об отраженной в этой сказке специфике исторической ситуации Франции, знавшей в сравнительно недавнее время практику каннибализма. Однако образ людоеда занимает умы франкоязычных писателей

² «Сказки Перро отличаются неприкрытой жестокостью, каннибализмом, голодом, трупами и сексом. Особенно излюбленной темой писателя является каннибализм» (Мур 2011).

и в новое время. В рассказе бельгийского писателя Жана Рэя (1887–1964) «Смерть людоеда» герои-фольклористы одержимы этим образом, они постоянно рассуждают о нем, боясь прошлого, они страстно повторяют «Людоед умер», то есть бояться нечего. Случается так, что в процессе общения они начинают подозревать друг друга в каннибализме, практически все погибают, и только оставшийся в живых водитель Петрус Снепп понимает: «Людоед не умер! Он жив! Он бессмертен! И не умрет, пока на земле будут жить люди!» Снепп осознает, что людоед воплощает в себе человеческие пороки, рассредоточенные в разных людях, и их страхи, которые они пытаются победить.

Очевидно, образ людоеда можно отнести к архетипу Тени, реализующемуся в культурных текстах в образе врага. «Тень – это архетипическая форма, состоящая из материала, подавленного сознанием; ее содержание включает те тенденции, желания, воспоминания и опыты, которые отсекаются человеком как несовместимые с персоной и противоречащие социальным стандартам и идеалам. Тень содержит в себе все негативные тенденции, которые человек хочет отвергнуть, включая животные инстинкты, а также неразвитые позитивные и негативные черты» (Юнг 1997). Но Тень может иметь различные воплощения – для истолкования «Тени-людоеда» обратимся к архетипу, восходящему к временам ритуального каннибализма – **жертвенному поеданию плоти**. Как известно, и гефсиманская вечеря Христа сопровождалась метафорическим поеданием плоти Христа. «...Очевидно, что и Жертва Христова, и Причастие задевают одну из самых со-

кровенных струн в человеческой душе, являясь отголосками первобытных жертвоприношений и ритуальной антропофагии» (Юнг 1998). Таким образом, дело не только в том, что людоед воплощает Тень и мотив инициации, характерный для фольклорных текстов, архетип жертвенного поедания плоти реализуется и в религиозных текстах, что может усилить его различное воплощение в более поздних дискурсах культуры. А историческая специфика французской истории способствует именно такому выбору персонажа на роль Тени.

Рассмотрим другие варианты сказок с главным героем «Мальчик с пальчик».

Болгарская «Сказка о Мальчике-с-пальчике» (http://peskarlib.ru/lib.php?id_sst=814). Мальчик попадает в невод старика. Оказывается, он давно ждал, пока его поймает какая-нибудь старушка и отнесет именно к этому старику. За время ожидания у мальчика даже выросли усы. Мальчик помогает отцу по хозяйству, пашет на волé, залезает к нему в ухо, продается купцу, затем обманом (через дырочку в кармане) убегает. Видит разбойников, собирающихся украсть волов у его старика-отца, притворно собирается им помогать. Он выводит вола (зачем?), и разбойники режут этого вола и снимают шкуру. Мальчик залезает в вымытый желудок (сычуг), и его проглатывает волк, из чрева которого потом мальчик предупреждает пастуха и зайца о грозящих опасностях. Когда волк пугается и спрашивает, кто кричит из него, отвечает:

- Я, Мальчик-с-Пальчик.
- Что ты хочешь от меня?
- Хочу, чтобы ты отвез меня к матушке и батюшке.

Волк прибегает ко двору, и там его убивает старик. Вспарывает брюхо и вынимает мальчика, а старуха шьет из шкуры волка шубу для мальчика.

В сюжетном индексе мифов и сказаний Н. П. Андреева «Мальчик-с-пальчик» располагается под номером 700 и включен в рубрику «Прочие чудесные сюжеты». На этом основании, видимо, сказку можно причислить к волшебным и рассматривать ее в духе В. Я. Проппа, наделяя персонажей определенными функциями. В таком случае здесь нужно отметить наличие большого числа антагонистов героя – купца, разбойников, волка. При этом купец ничего плохого не делает мальчику и на роль антагониста он вряд ли подходит. Скорее, купец является жертвой проделок маленького героя, который выманивает у него деньги. На роль злодея подходит только волк, проглотивший мальчика, он оказывается убитым другими героями – «родителями» мальчика. Как мы видим, об этических ценностях речь в этой сказке не идет.

Русская народная сказка в обработке А. Н. Толстого. От болгарской она отличается зачином: старуха рубит капусту и случайно отрезает себе палец, который заворачивает в тряпку, кладет на лавку, и из тряпки появляется мальчик. Отсылка к капусте связана, видимо, с поверьями о том, что детей находят в капусте. Отрубленный палец, скорее всего, нужно трактовать в духе психоанализа, как сексуальные фантазии старухи.

Общим для двух сказок является эпизод пахоты: мальчик залезает в ухо к лошади, мимо едет барин, который и покупает чудесного мальчика. Как и в болгарской сказке, мальчик убегает через дырочку в кармане, оставляя барина ни с

чем. Как видим, и здесь барин не может претендовать на роль антагониста, но, тем не менее, он оказывается обманутым. Очевидно, в народной сказке требуется наказывать богатых как антиподов трудящихся крестьян.

В русской сказке мальчик также оказывается в желудке волка после своего побега:

[Мальчик с пальчик] *шел, шел, и пристигла его темная ночь.*

Спрятался он под былинку подле самой дороги и уснул.

Набежал голодный волк и проглотил его.

Сидит Мальчик с пальчик в волчьей брюхе живой, и горя ему мало!

Далее все повторяется, правда, описание убийства волка не носит той степени жестокости, как это было в болгарской сказке: мальчик даже сам выскакивает из волчьего брюха и тогда кричит: «Бейте волка». «Старик схватил кочергу, старуха ухват – и давай бить волка. Тут его и порешили, сняли кожу да сынку тулуп сделали». Остается неясным, зачем нужно убивать волка, если мальчик сам мог выпрыгнуть из его нутра. Видимо, волк должен погибнуть в силу того, что в нем воплощается восходящий к архетипу Тени образ врага. Отметим, что мальчик не только приводит волка к гибели, что может быть оправдано традиционным восприятием волка как врага, но совершает некоторые поступки, которые трудно назвать этическими (оставляет покупателя «без товара»). Объяснение таких поступков возможно через обращение к архетипу **трикстера**. Говоря об отказе постмодернистской культуры разделять негативные и позитивные ценности, о ее «всеядности», Ю. Чернявская обращается к «наиболее

синтезирующему персонажу культуры, в самом своем образе примиряющему и сводящему в непротиворечивое целое все возможные противоречия, а именно – к Трикстеру». (*Трикстер* – хитрец, плут, трюкач.) Ю. Чернявская говорит о возможных различных соотношениях между культурным героем и трикстером (оппозитивность, совпадение, родство), отмечая, что чем древнее миф, тем чаще культурный герой одновременно является и трикстером, то есть совершает «трикстерные» поступки – так, «культурные герои часто воруют необходимые людям вещи: при всем своем величии Прометей чисто „трикстерным” образом похищает огонь» (Чернявская: 2004). Архетип Трикстера пришел в культурологию из работ К. Г. Юнга, который, в свою очередь заимствовал этот образ у П. Радина. «Трикстеру свойственна „любовь к коварным розыгрышам и злым выходкам, способность изменять облик, двойственная природа – наполовину животная, наполовину божественная, подверженность всякого рода мучениям...” (Юнг 1996: 338). У трикстера отмечают детскость поведения, смеховое начало, необычную внешность. Все это, как представляется, наличествует у героя сказки «Мальчик с пальчик». Уже в сказке Ш. Перро герой совершал «трикстерные» поступки – обрек на смерть дочерей людоеда, украл его сапоги, но эти поступки были объяснимы борьбой за жизнь с врагом, представляющим опасность В рассмотренных сказках, как и в сказке братьев Grimm, поступки мальчика трудно объяснимы и не имеют моральной ценности.

Итак, сказка «Мальчик-с-пальчик» братьев Grimm. В сказке братьев Grimm мальчик-с-пальчик совершает примерно

те же действия: заставляет заплатить за себя и сбегает от незнакомца, предотвращает кражу и даже дважды оказывается в «чужом» желудке – вначале в желудке коровы, куда он попал вместе с пищей для нее (сеном), а потом, когда корова была зарезана (так как крик мальчика из ее желудка побудил хозяев думать, что в нее вселился бес), вместе с желудком он был проглочен волком. Волка он обманом привел к своему дому и стал кричать из его чрева.

От шума проснулись, наконец, отец с матерью, подбежали к кладовой и заглянули в щелку. Как увидели они, что забрался туда волк, кинулись прочь; схватил отец топор, а мать косу.— Ты иди следом за мной, — сказал муж, когда они входили в кладовую, — когда я его ударю, а он будет еще живой, ты его добывай и брюхо косою вспарывай. — Услыхал Мальчик-с-пальчик голос своего отца и как закричит:— Милый батюшка, я здесь, здесь, я спрятался в волчьем брюхе!

И воскликнул отец на радостях:— Слава тебе, господи, дитячко наше нашлось! — и велел жене убрать косу, чтоб Мальчика-с-пальчик не поранить. Потом он размахнулся да как ударит волка топором по голове, тот и упал замертво. Нашли они нож и ножницы и вспороли волку брюхо и вытащили оттуда малышку³.

Позволим себе обратиться для истолкования сказки к методу гирлянды ассоциаций, когда текст вызывает в сознании другие дискурсы культуры. Ни в коей мере не претендуя на объективность предлагаемого решения, тем не менее, покатаем свой ход мысли в

³ Жестокое описание убийства волка во всех трех сказках заставляет задумать об изменении отношения к животным, о большей «гуманизации» общества в отношении них, происшедшей в течение веков.

отношении архетипов, реализующихся в тексте сказки и обеспечивающих ей воспроизводимость в современной культуре. Итак, несмотря на некоторые различия в деталях приключений мальчика, герой все время пытается оказаться в закрытом пространстве, будь то ухо, подземелье, стог сена, улитка, карман паночки или коровий/волчий желудок. И вот здесь, если говорить о причинах этого тождества ситуаций, можно привлечь психоаналитическое токование закрытого пространства как пребывания в лоне матери, которого мальчик так и не знал. «Начиная с древнейших стадий культуры инициация подростков включает ряд ритуалов, символика которых очевидна; речь идет о перевоплощении неопита в эмбрион, с его последующим рождением заново. Инициация в данном случае равнозначна второму рождению. Благодаря механизму инициации подросток становится полноправным членом общества, социально ответственным, с пробужденными культурными традициями сознанием. Возвращение к материнскому лону обозначается или через затворничество неопита в шалаше, или через **символическое пожирание его чудовищем**, или через проникновение на священную территорию, идентифицированную с чревом Матери-Земли» (Элиаде 1999).

Побывав в желудке волка или коровы, мальчик проходит инициацию, обретает «культурное» сознание. Он уже не бывший отрубленный палец, лежащий на лавке, и не усатый мальчик, неизвестно откуда появившийся в неводе, он обрел свою «эмбриональную» память и потому равен людям.

Пребывание в волчьем желудке и подавание голоса оттуда отсылают нас,

в свою очередь, к библейскому рассказу о пребывании пророка Ионы в чреве большой рыбы. «И повелел Господь большому киту проглотить Иону; и был Иона во чреве этого кита три дня и три ночи. И помолился Иона Господу Богу своему из чрева кита и сказал...»⁴ Притча приведена нами для того, чтобы попытаться ответить на вопрос, можно ли считать приведенные сказки о мальчике с пальчик волшебными – ведь в них происходит невероятное с точки зрения здравого смысла событие: пребывание в желудке волка. В последнее время раздаются голоса, утверждающие, что Иона действительно мог пребывать в желудке рыбы три дня и три ночи. (<http://www.bible.com.ua/answers/r/36/318791>). Вполне вероятно, что в эпоху создания сказок поглощение мальчика волком и его высвобождение, как и высвобождение Красной шапочки, не воспринималось как сверхъестественное явление, ибо существовал библейский прецедент. В таком случае эту сказку можно не относить к волшебным, в силу чего к ней и неприменим пропповский метод разложения сюжета по функциям действующих лиц. (Ее отнесение к «чудесным» вообще спорно, так как в ней нет «магии», превращений», разве только появление на свет маленького мальчика из пальца.) С другой стороны, и притча об Ионе начинает высвечивать свой архетипический характер – Иона проходит инициацию в чреве рыбы, после чего он идет в Ниневию по велению Господа, хотя раньше он туда не отважился отправиться.

⁴ В психоанализе образ кита — символ материнского лона, избираемого субъектом для своего прибежища в состоянии неуверенности, отчаяния.

Таким образом, мы и здесь видим архетип культуры, поддерживаемый библейским текстом, что усиливает его способность к воспроизводимости в более поздних дискурсах культуры. Для французской сказки мы отметили архетип жертвенного поедания плоти, для сказок других народов – архетип возвращения в материнское лоно. В сказках с «сюжетом братьев Гримм» сильнее выражен архетип трикстера, что, возможно, делает эту сказку более востребованной современным сознанием (точнее, бессознательной частью общественной психики) в силу присущей ему противоречивости моральных ценностей. Говоря о прочих архетипических различиях французской и сказок других народов, мы можем говорить о различной реализации общего архетипа Тени в образах людоеда и волка. Нам трудно ответить, почему образ людоеда популярен во французских и английских сказках и почти не встречается в русских. В русских, как мы уже говорили, волк выполняет функцию врага, и по действиям, которые

он выполняет, его можно сравнить с людоедом (поглощение мальчика). Однако здесь нет каннибализма – волк по своей природе является хищником. Некоторым аналогом людоеда в русских сказках можно считать бабу-ягу, но она только грозит съесть персонажей, однако ни в одной сказке никого не ест, а иногда даже награждает героев. Скорее, бабу-яга – тоже своеобразный трикстер, имеющий двойственную природу – губительницы (потенциальной) и дарительницы.

Итак, наличие универсальных (Тень) и специфических (жертвенное поедание плоти и возвращение в материнское лоно) архетипов культуры, поддержанных сакральными текстами, – вот характерная черта сказки о маленьком мальчике, побеждающем и обманывающем тех, кто сильнее его. Анализируя реализованные в сказке архетипы, мы можем только предложить гипотезу, объясняющую непреходящий интерес к ней, побуждающий и сегодня делать ее предметом экранизаций, пародий, писать «взрослые сказки»⁵.

Литература

АНДРЕЕВ, Н. П., 1929. *Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне*. Режим доступа: <http://zoggen.narod.ru/> (см. 30.05.2013.).

МУР, Л., 2011. *Шарль Перро: детские сказки. Что мы в итоге имеем?* Режим доступа: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-50857/> (см. 8.07.2013).

ЧЕРНЯВСКАЯ, Ю., 2004. Трикстер, или Путешествие в хаос. *Человек*, № 3, 37–52.

ЭЛИАДЕ, М., 1999. *Аспекты мифа*. Режим доступа: http://yanko.lib.ru/ann/eliade-aspektu_mifa-a.htm/ (см. 4.07.2013).

ЮНГ, К.Г., 1996. *Душа и миф: шесть архетипов*. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества.

ЮНГ, К.Г., 1997. *Исследование феноменологии самости*: Режим доступа: <http://psiland.narod.ru/psiche/AION/index.htm> (см. 8.07.2013).

ЮНГ, К.Г., 1998. *Символы превращения в мессе*. Режим доступа: http://svitk.ru/004_book_book/7b/1802_yung-simvoli_v_messe.php (см. 15.07.2013).

⁵ См., например, Сказы деда дурьмана и бабы глюквы; Юлия Неволлина. «Сказка для взрослых Мальчик с пальчик»; Ольга Соловьева Рахманова. «Мальчик-с-пальчик сказка для взрослых. Сказка для взрослых» и т.д.

Eleonora Lissan

Vilnius University, Lithuania

Research interests: cognitive linguistics, pragmatics, culturology

ON THE IMPERISHABLE REASONS OF FAIRY-TALE PLOTS: THE CASE OF *TOM THUMB***Summary**

This article focuses on one of the most popular plots in fairy-tale culture (the plot involving the protagonist Tom Thumb), and tries to explain this popularity through the cultural archetypes that are expressed in the fairy tale. The author analyzes fairy tales of different nations involving this particular character and draws a boundary between the literary fairy tale, which is a transformation of old French fairy tales written by Charles Perrault, and different variations of literary fairy tale written by the Brothers Grimm. The research shows that it is

impossible to apply Propp's method, which allows the plot to be analyzed in regard to functions and character types, to the analysis of this fairy tale. The author assumes that the fairy tale about Tom Thumb may not be regarded as magic for various reasons. On the other hand, it may be treated as an animal tale, which in Propp's approach is assumed to have a different structure from a magic fairy tale. The researcher draws a conclusion about the different archetypes that serve as the basis for Perrault's literary fairy tales, and the numerous variations of the plot which we may relatively denominate as "Grimms' plot." Furthermore, in folk tales having Grimms' plot, Tom Thumb simultaneously performs the role of cultural hero and the role of a trickster. This is absent from Perrault's fairy tale, because the propaganda of moral values and a distinct didactic character are traditional features of French fairy tales.

KEY WORDS: fairy tale, plot variation, archetypes.

Gauta 2013 02 20

Priimta publikuoti 2013 07 15